

ЭКСПРЕССИВНЫЕ РЕСУРСЫ ЛЕКСИКИ В ПОЭЗИИ В. А. КАРПОВА

«В изучении и описании русского языка заинтересованы не только ученые-лингвисты, но и все, для кого язык – материал и инструмент деятельности. Среди них – поэты. Глубоко заблуждаются те, кто считает, что поэт пишет стихи, как певчая птица, не задумываясь об используемых средствах. Для художника слова язык – как краски для живописца, звуки и ноты для музыканта, глина и мрамор для скульптора», – с этим мнением И. А. Ионовой, составителя замечательного сборника «Поэтический курс русского языка» [1], трудно не согласиться.

Особую роль художнику слова в описании лингвистических понятий отводит и Б. Ю. Норман: «Во-первых, поэт – полноправный носитель языка. А человек знает о языке, которым он пользуется, очень много.

Во-вторых, у поэта нередко бывает филологическое образование ... филологическое образование может помочь поэту заметить те или иные особенности языка и акцентировать их в своем творчестве.

В-третьих, настоящий поэт богоподобен и богоравен. Он способен на гениальные прозрения, на предсказания, он – демиург, видящий сквозь время и пространство» [2].

Ярким подтверждением этих тезисов является поэзия Владимира Александровича Карпова. Доктор филологических наук, профессор, автор глубоких работ по общей теории систем, философии языка, исследователь болгарского языка, В. А. Карпов является и одним из самых интересных, на наш взгляд, представителем русскоязычной поэзии Беларуси, автором двух сборников стихотворений – «Амальгама» и «Дао».

В стихотворениях слиты воедино Карпов-поэт и Карпов-филолог. На материале его произведений можно действительно читать курс русского языка. Итак, поэтический курс русского языка от профессора В. А. Карпова (в рамках данного доклада мы сосредоточим свое внимание на особенностях поэтики, связанных только с одним разделом языка – лексикой).

Прежде всего, обращает на себя внимание обилие «филологических» метафор в поэзии В. А. Карпова.

Наиболее частотны метафоры с компонентами *слово*, *глагол* в значении `слово`, *речь*, *язык* (и производными от него, связанными с разными значениями этого существительного):

... *дом, друживший со словом* [3, с. 72]; *Навалится боязнь строки и слова* [3, с. 77]; *Полузабытые слова / теснились в трели* [3, с. 81]; *Какой сумасшедший / поверит в больные слова* [3, с. 84]; *Ты, со словом бывавший в ссоре, / ты, подстегнутый словом сорным, / редко знавший тяжесть словес, / чем ответишь на этот вызов / потягаться?* [3, с. 94]; *начнется пытка цветом, звуком, словом* [3, с. 154]; *Кто первым, что за слово уронил? / И что оно, единственное, скажет?* [3, с. 157]; *И крал Вас у Ваших знакомых нечаянных / по капле, по слову, по взгляду* [3, с. 159]; *О, потускневшие в словах / фигуры праздничного танца!* [3, с. 172]; *Вы заняли слова у словаря* [3,

с. 183]; и постоянно лезть в **копилки энциклопедий, словарей** [4, с. 96]; ... **прорастали**, как трава, позабытые сомненья, первозданные слова [4, с. 131]; **Лики стариков, старух твоих, / детворы твоей светлоголовой – / оживают в кадре, в теплом слове** [4, с. 139]; **Это слово – паутинка, волосок** [4, с. 181];

... как вам хотелось быть повесами, / **глаголом сечь, глаголом жечь!** [3, с. 19] (аллюзия к афористической строчке пушкинского «Пророка»: «Глаголом жги сердца людей!»); ... но **истины глагол в твоих устах** [4, с. 82]

Это речи глубина, / омут с нетерпеньем [3, с. 39]; **знаки вместо светлой речи** [3, с. 81]; **забвенья дней, затменья речи** [3, с. 81]; **Самовар, сверчок запечный, / десть, перо да тяга к речи – / после можно умереть** [3, с. 186]; ... о чем **заводят речь уже смирившиеся волны** [4, с. 40];

Об этом говорила память / обыденнейшим языком [3, с. 30]; **А посредине – языкастый костер** [3, с. 48]; ... им **язычок свечи кивал / в знак одобренья** [3, с. 81]; **Если колокол – безъязыкий, / если кто-то в горло насыпал / игл – то это зовется месть!** [3, с. 94]; **Ее [природы] язык утратил связь времен** [3, с. 104]; **Смуцала нагота, язык чужой** [3, с. 157]; **И эти пятна обращались / на непонятном, на таком – / что, если бы не свет печали, / не назовешь и языком** [4, с. 19]; **Язык природы ... как беден ты, когда к своим богам / за подаяньем простираешь руку!** [4, с. 59]; **Природа языком заката заканчивала монолог** [4, с. 60]; **язык цветов** [4, с. 61]; **Иноязычной пьяной вишней / оно снимает боль** [4, с. 69]; **Начинка карамельки / уже давно на языке горчит** [4, с. 84]; **Он [народ] добывает хлеб в поту, / язык хранит – и тем – великий** [4, с. 97].

Благоговея перед Словом, тем не менее поэт неоднократно заявляет: **Я сам себя ковал, я прочно скован, / и знаю, чем земле своей служу, поскольку дело было раньше слова** [3, с. 107]; **Сначала было Дело! / Лишь потом душа моя запела, и нашлись заветные слова: мать, земля, страна – Моя держава** [3, с. 184].

Жизнь человека, судьба народа, история человечества уподобляются книге, рукописи, странице (метафоры и сравнения часто имеют развернутый характер): **Черновики истории – задворки** [3, с. 42]; **Словно рукописи – лица** [3, с. 58]; **страницами ... жар души / отмериваем** [3, с. 128]; **день людской перелистнув** [3, с. 143]; **вся зелень, которую ветры листают** [3, с. 175]; **Что мы оставим лучшим временам – /... путей железных младописьмена?** [3, с. 179]; **Что наша жизнь? Почти черновики** [3, с. 183]; **Страницы бытия листает ночь. / ... Что обещает ночи черновик / добавить дню? – Гадания напрасны – / заглавных букв закваска – на крови, / и на полях ошибки – цветом красным** [4, с. 21]; **А если быть – то чем? / Строкою Ветхого завета? ... / Апокрифом** [4, с. 61]; и грусть спешит посторониться, / все кряду дважды **перечтя / и трижды – праздника страницу** [4, с. 70]; **Ведь жизнь – лишь оттиск с чьих-то копий** [4, с. 96]; **Уходят люди. Не отдав долги, / раздав себя построчно и потомно** [4, с. 98]; **В жизни – у всех опечатки** [4, с. 37]; **Что оставишь из жизни густой, / чистый лист превращая в страницу?** [4, с. 138]; **Огромная, как мир, страна... / Твою историю листая, / в**

повседневной прозы / войти звеном в метаморфозы [4, с. 57]; ... в короне царственной России, которая *постигнет ямб* – как гимн и флаг, как силы символ [4, с. 59]; *Природа* языком заката / *заканчивала монолог* [4, с. 60]; *Так не лежит душа / к застывшему размеру* [4, с. 112]; *Стихи-корабли не сгорели, уплыли...* [4, с. 121]; *В страшную рифму* – гроб и сугроб / *поэт себя запечатал* [4, с. 125]; *По миру пускаясь в мире этом / с фотоаппаратом за сюжетом* [4, с. 139]; *Нужна ли ямщику премудрость карт?* – / *Он знает ям и помнит ямбы ямы* [4, с. 43]; *И властно скопами синкопов / забьет, оглушит, бросит ниц* [4, с. 96]; *В письмах* – скоропись, скороговорка *скворца* [4, с. 127].

Красной нитью через оба сборника проходит мысль о том, что самое страшное для поэта, для человека – немота, потеря способности (возможности) говорить, выражать свои мысли, делиться ими с окружающими, понимать и сопереживать. Отношение к слову, к речи как к первой ценности восходит к бунинскому: *И нет у нас иного достоянья! / Умейте же беречь / Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья, / Наш дар бессмертный – речь.* Отсюда два полюса в стихах В. А. Карпова: слово, речь на одном и немота, безмолвие – на другом: *Немая стынувшая тишь / бьет в уши, словно звон кандалный* [3, с. 85] (два противоположных понятия переплетаются в оксюморонном сочетании); *Безмолвные... К чему слова?* [3, с. 90]; *Мы немые. / Мы уже как отраженья / прошедших нас / и отболевших нас* [3, с. 91]; *И почему ... загадочно молчащие, как сфинксы, / стараемся понять язык дельфиний, / отчаявшись уже понять себя?* [3, с. 91]; ... на всем утвердив засовы, / *страшный суд вершит немота* [3, с. 93]; *Нынче праздник зовется судным, / имя празднику – Немота!* [3, с. 93]; *Как же так – онеметь с разгона? / Только час, но в коже изгоя, / растерявшего звук, провесть...* [3, с. 94]; *Немое жаждет языка, / чтобы наследственные тайны / доверить, а не расплескать / бессвязными в пылу устами* [3, с. 146]; *И вновь молчанье залегло / настороженно, немо* [4, с. 16]; *Поймешь себя – ты избран, ты обязан, / дойдя до сути, отыскать слова... / Природа. Мир. Сплошная недосказанность. / Договорить – как все расколдовать* [4, с. 82]; *Без глаза нелегко, но жить безгласным – / жизнь превратить в мучительный диктант* [4, с. 104]; ... им тяжело до боли – / *испытывать, как немочь, немому* [4, с. 135-136]. Тема творчества, предназначения слова – одна из главных в поэзии В. А. Карпова. Не случайно этой теме посвящены цикл стихотворений «У слова свой удел» (сборник «Амальгама») и книга «Ремесло» (сборник «Дао»). Тягу к творчеству поэт сравнивает с болезнью: *Страсть писать была цингой* [3, с. 39], непозволительным считает ограничения свободы творчества: *В узде поэта не сдержатъ – / так хоть размеры переправить* [3, с. 45].

Активно используются лингвистические термины в их прямом и переносном значении: *Отечества дым. / В том дыме – не простой синоним – очаг!* [3, с. 20]; *Но в прононсе россиян слышался Гаврош* [3, с. 12]; *О мудрость – Время в двух слогах и сжатый опыт* [4, с. 13]; *В тот момент / важнее были звуки, не значенья* [3, с. 156]; *Она из идиом / столь непереводаемых* [3, с. 162]; *И только море разберет / слов незвучащих окончанья* [4,

с. 34]; *В окаменевших сгустках чувств / ищуща века ударенья* [4, с. 59]; *По запыстью буквы разбежались* [4, с. 65]; *Живет – и фараон и царь, / за сто писцов ломает перья / и вместо первого лица / предпочитает оба первых.* / «Я спал. Нам снился вещий сон...» / *И лишь через столетье – битва! / Да, гениальность – знать в лицо / события до самих событий* [3, с. 41]. В одной строфе – метонимическое употребление слова *лицо* в грамматическом значении (*первое (третье) лицо* вместо местоимения *первого (третьего) лица*) и омонима *лицо* в составе фразеологизма *знать в лицо*.

Употребление в рамках узкого контекста омонимов (омофонов), сближение слов на основе паронимической аттракции – привычная для чуткого лингвистического слуха В. А. Карпова игра слов: *Не спешу, / не спиши в расход* [3, с. 22]; *Дом. / Отчества дым* [3, с. 20]; *Правд – / естественнейших, как воздух, / прав – на землю, на свет, на хлеб* [3, с. 20] (воздействующий эффект усиливается окказиональным употреблением формы множественного числа абстрактного имени существительного *правда*); «*Любимый*» значило «*любой*», / *пришедший с той войны* [3, с. 34]; ... *беда – бела, была, бела. Была!* [3, с. 98]; *Не допусти, чтоб кладом / спрятали от людей. / Не сгорблюсь под тяжелой кладью* [4, с. 77]; *Стихия, стих – два кровных брата, / два берега большой реки* [4, с. 103]; *Обмен. Обман* [4, с. 105]; *Волхонка о Волошине напомнит* [4, с. 105]; *Выдох – выход, вдох и вход* [4, с. 131]; *И ни ответа, ни совета мне* [4, с. 153].

Паронимы во многих текстах стихотворений выступают как контекстуальные антонимы, являясь основой приема контраста, антитезы: *На золу – да навозом – мертвых / братьев бросить – / взойдут в овсе! / В маках! / Синими васильками... / Не овсинкой – так овсюгом!* [3, с. 21]; *Этих без вести пропавших / не судьба вела – судьбина* [3, с. 36]; *Что ей имя? Что ей кличка? / Величанье – не величье!* [3, с. 55]; *Не в ликах – в лицах / горят глаза еретиков* [3, с. 149].

Лингвистическая чуткость ученого-филолога подсказала Карпову-поэту образное определение снегиря (*Синичье попури / столь незамысловато, / что молкнет виновато / снегирь – лесной пурист* [3, с. 83]), стала отправной точкой для создания авторских окказионализмов: *И одесную и ошую ... зажглись ... березы, клены* [4, с. 75] (производные наречия от древнерусского и старославянского прилагательного *десный* – `правый`; сравните: *десница* – `правая рука` и *шуйца* – `левая рука`).

Преднамеренное сталкивание антонимов: *И кем-то оскорблен в зачатке / умышленно иль невзначай* [4, с. 96]; использование нескольких рядов слов с противоположным значением: *Отлив. Прилив. / Всего-то дела: / забрать – отдать – забрать – отдать... / отлив – прилив – как плюс и минус / условные* [4, с. 37]; экспрессивное обыгрывание омонимов: *Вот библия, вот детская тетрадка – / здесь лист пропал, там лист сухой – закладка...* [4, с. 21]; *Казалось, извлечение корней / в итоге даст засохнувшие корни* [4, с. 62]; актуализация в одном предложении разных значений одной лексемы: *В соседний сад перелететь и долю расщипать на дольки?* [4, с. 75] (*доля* – `судьба, участь` и *доля* (уменьшительное *долька*) – `часть целого`); употреб-

ление синонимов, различающихся происхождением и стилистической окраской: *А низ любых эпох, формаций – / один и тот же – **плебс, народ*** [4, с. 96]; превращение синонимов в контекстуальные антонимы: *считаем мы, что время поспешило, / отняв **уста** у **губ*** [4, с. 109]; примеры паронимии: *И неподсудны мастера / за опыт, что веками **скоплен** / и нами **оскоплен** вчера* [4, с. 96]; ... *и мясом **копи** и **окопы** / завалит с верхом* [4, с. 96]; прием оксюморона: *Но скрипы сосны корабельной – / такой **многозначный пустяк*** [4, с. 114] – вот далеко не полный перечень реализации экспрессивного потенциала лексики в поэзии Владимира Александровича Карпова.

Философская наполненность, четко выраженная гражданская позиция, необыкновенный лиризм, высокие художественные достоинства, максимальное проявление эстетической функции языка в сочетании с глубокими лингвистическими наблюдениями делают поэтическое творчество В. А. Карпова востребованным в процессе обучения и воспитания студентов-филологов.

Литература

1. Ионова, И. А. Поэтический курс русского языка / И. А. Ионова. – Кишинев, 1998.
2. Норман, Б. Ю. Лингвистические наблюдения и открытия в русской поэзии / Б. Ю. Норман // Русский язык и литература. – 2011. -- № 5.
3. Карпов, В. А. Амальгама : стихотворения / В. А. Карпов. – Минск : Петит, 2000.
4. Карпов, В. А. Дао : стихотворения / В. А. Карпов. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008.